

Э. ЛОТЯНУ

Как я встретился с Лениным

В жизни каждого из нас есть свой фильм о Ленине. Фильм, складывающийся из тысяч и тысяч частиц — и из кинокадров и из впечатлений прожитой каждым из нас жизни. Это особенный фильм — он вбирает в себя весь мир, он фиксирует неподдающиеся записям импульсы человеческого духа.

Я смотрю сейчас свой фильм о Ленине. Возникает кадр: план в профиль, план анфас. Тюремный фотограф снял четко¹, и на пластинке бромистого серебра навсегда зафиксировано такое знакомое всем нам лицо с множеством тонких морщин у глаз. Ильич на фотоснимке был почти веселым — вернее, таким я его запомнил. А имени «Ильич» я еще не знал. Человек глядел на меня бодро, хотя на его арестантской куртке был тюремный номер... Тот снимок увидел я не на экране, а на отсыревшей книжной странице — черносотенное издание времен первой мировой войны. В моих руках книга побывала в конце второй мировой... Там было написано: «немецкий шпион В. И. Улианов-Ленин». До этого я никогда ранее не слышал о нем и не видел его портретов. Я, мальчишка, подумал: с таким вот лицом лучше всего быть лекарем или начальником очень большого вокзала. Это было все, что я мог предложить Ленину вместо совсем неподходящей для него роли немецкого шпиона... Через день в наш город ворвались на полном скаку люди в широких, черных бурках — усатые, широкоплечие солдаты². На головах у них были кубанки с двумя полосами, перекрещивающимися на красном донце. Звали их гордо и звучно: казаки.

Через неделю (все тот же фильм смотрю я сейчас) на углу моей улицы, на просторном майданчике открылась «киноакадемия» под эгидой казачьего кавполка. Я занял свое место на деревянной скамеечке и за два года просмотрел всю советскую киноклассику. Мне было тогда восемь-десять лет. Много позже, во ВГИКе, я почти ничего нового не прибавил на просмотрах по курсу истории советского фильма. Я помнил фильмы своего детства кадр за кадром. Я не знал русского языка, но запомнил и звуковую дорож-

ку — слова, музыку, одиночные выстрелы и канонады. Все это я воспроизводил потом, как вспоминают мои детские товарищи, без малейших потерь. Но особенно я полюбил невысокого человека с огромным лбом, с выброшенной вперед правой рукой, я любил его звучное, горячее слово «товарищи!».

Вокруг меня в те дни все стали называться «товарищи». И было очень легко и приятно на душе, потому что достаточно было нам, ребятам, сказать: «Товарищ, дай!» — и солдат снимал звезду с пилотки. А если рядом был танк, то стоило пристально поглядеть на башню, потом поднять руку к несуществующему козырьку и крикнуть: «Товарищ, пусти!» — и ты был мигом на башне, в полувершке от самого господ бога. Еще мы любили прохаживаться мимо солдат запаха пищи, мы изображали подобие улыбки — наверное, очень жалкое подобие, потому что стягивало живот, и в голове ныло — и не просили ничего у солдат. Мы говорили им просто: «Здрасти, товарищ»... Сделаем круг небольшой, еще раз пройдемся мимо кухни — и опять тихо, немного застенчиво: «Здрасти, товарищ»... И вот — алюминиевый котелок в руках, и мир у твоих ног... И еще — грандиозное ощущение того, что в мире есть еще новый мир, мир товарищей. И ты маленькая точка в этом мире, но ты в гуще миллионов таких точек, и все эти точки кружатся в веселом хороводе, и каждая из них считает тебя своим. Так создавался мой фильм, фильм о Ленине в моей судьбе, такова была конструкция мира в моей голове, и мне было хорошо на душе от этой моей пока что «точной» философии.

Я до сих пор ощущаю и храню особый привкус слова «товарищ», и мне всегда хочется обращаться к Ленину с этим именно словом — самым интимным, и самым мужским, и самым дружеским. Я думаю, что мне во многом повезло. Среди моих друзей детства были кронштадтские моряки и чудесный профессор Полежаев³. Но был еще совсем особенный человек, у которого все в жизни сбилось. Вот это главное ощущение, которое у меня по сей день осталось. Ленин — человек, у которого все в конечном счете исполнилось. Потому что был он человеком особенной, деятельной мечты, и все, что сделал, — сделал для нас. И для меня — молдавского мальчишки в пору нашей первой встречи.

Все это принадлежит тем годам, когда я начинал осознавать мир, угадывал его реальные грани. Я не мог бы заменить теперь ничем все те ранние впечатления и привязанности — они ушли далеко в память, перешли в подсознание, стали моей частью.

Живет в моей памяти Ленин. Из его уст я услышал впервые слово «товарищ».

